

“НАИЛУЧШЕЕ СЛУЖЕНИЕ БОГУ – ЧЕСТНОСТЬ И ТРУДОЛЮБИЕ”

Салеха АЛИЕВА,
старший корреспондент АзерТадж

“В истории человечество ищет не пепел, а огонь”
(Римский афоризм)

2 февраля исполнился 100 лет со дня рождения выдающегося российского востоковеда-арабиста, доктора исторических наук Теодора Шумовского, нашего земляка, ученика выдающегося переводчика Игнатия Крачковского. Он умер в Петербурге 28 февраля 2012 года, не дожив год до своего столетия.

В числе главных творческих и научных достижений Теодора Шумовского называют поэтический перевод Корана (этот труд выдержал пять изданий в период с 1992 по 2008 год). Узник ГУЛАГа, он по памяти занимался этим кропотливым трудом в застенках, куда попал по политической статье по одному делу с сыном Анны Ахматовой – Львом Гумилевым. В общей сложности Теодор Адамович провел в тюрьмах 18 лет.

Теодор Адамович считал Азербайджан своей родиной. Здесь прошли его детство и молодость. Теодор Адамович Шумовский родился в 1913 году в Житомире в семье польского служащего госбанка. В 1915 году семья переехала в Шамахе. Это определило судьбу будущего ученого. Шамаха стала для него тем таинственным Востоком, который он полюбил на всю жизнь. На встрече со студентами он вспоминал свое детство в Шамахе. Он любил бродить по окраинам этого старинного города. Древние мусульманские святыни в стороне от садов, на каждом шагу неистребимый след прошлого. “Здесь меня нашла моя будущая

специальность”, – говорил ученый.

Но есть еще одно, из-за чего мы обязаны помнить Теодора Адамовича. Он вернул нам выдающегося средневекового поэта Атааллаха Аррани. Удивительна сама история находки Т.Шумовского – о ней следует сказать особо. Об этом подробнее.

История Азербайджана богата на выдающиеся имена. Казалось, мы знаем всех наших философов и поэтов. Знаем, потому что до нас дошли их труды. И как же радостно и вместе с тем тревожно, когда судьба открывает нам неизвестные свои страницы. Наверное, имя Атааллах Аррани так бы и кануло в небытие, если бы не Его Величество – Случай.

Книга П.Таранова “Сорок пять поколений философов” включает сведения о самых известных философах мира, начиная с Древней Греции и Рима и до наших дней. Среди известных имен вдруг читаем – Атааллах Аррани – азербайджанский поэт и философ. Признаться, все, к кому я обращалась за справками (Институт литературы, Институт рукописей НАНА), впервые узнали о нем от П.Таранова и статей в газетах об известном востоковеде Теодоре Шумовском, который и открыл нам Аррани. Других сведений, к сожалению, нет.

Он сам подробно описывает, как нашел рукопись. Студенческие каникулы летом 1936 года он проводил в Шамахе. И вот, гуляя по древнему пригороду и заглядывая в мечети, в одной из них, а вернее, в стенной нише подземной усыпальницы, среди рукописей он нашел кипу тетрадок, перевязанных накрест.

“Первое, на что упал мой взгляд, – писал Шумовский, открывший наудачу одну из тетрадок, – были слова: “Ва каля айдан”. Эта фраза чаще всего ставится в диванах – поэтических сборниках, где она отделяет одно стихотворение от другого. “Стихи?.. – прошептал я. – Целая книга. Ее надо осмотреть очень тщательно. Бережно завернув рукопись в газету, я вышел из подвала, упоенно думая: “Чей же это диван? Какая сенсация!”

Рукопись оказалась сборником стихотворе-

ний на арабском, отчасти на персидском языке, чаще всего небольших по объему. Значительная доля приходилась на рубаи. Выяснилось, что из всех традиционных стихотворных размеров поэт пользовался наиболее расхожим, главным образом – тавилем и мутакарибом. По арабской традиции страницы не были пронумерованы; вместо этого внизу каждой из них переписчик поставил первое слово следующего листа. Изучение показало, что все листы сохранились – отлегло от сердца, можно было спокойно знакомиться с найденным сборником.

Вот что прочитал в нем исследователь:

“Атааллах, прозываемый Ширвани, я родом из Аррана, поэт и ученый Ширвана, сказал, когда ему повелело сердце... Ведь ум, оглядываясь на обстоятельства, оберегает жизнь, и поэтому, видя сильного врага, приказывает сердцу: молчи! Но как быть, если жизнь короче времени, когда нужно молчать? Ум труслив, а сердце бесстрашно.

Много сочинителей сложили помногу книг, изучаемых многими поколениями. Я, один из сыновей благословенной столицы поэтов, сложил всего одну книгу, которую прочтет ли хоть одно поколение?

В жизни моей совместились Восток и Запад, стужа и пламень, тлен и благоухание. Я родился под жестоким небом, осыпавшим меня грозами и ливнями; но солнце, попирающее просторы неба, взрастило во мне эту книгу...

Если бы захотелось наделить ее именем, то какое выберу? Тюрк назовет мои стихотворения “конями златогривого табуна”, а перс – “лепестками желтой розы”, индеец – “звездами жемчужного ожерелья”, араб – “жемчужными каплями родника в пустыне”. Что выберу? Ищущий, ты найдешь здесь все это, если Аллах – да возвысится он! – подвигнет ум твой к исканию и отвратит от самодовольства...”

Строчки завораживали, словно приглашая притронуться к таинственной старине. Шумовскому удалось установить точное время жизни поэта. Оно было зашифровано в стихах: XV век. В то время Ширваном правила династия дербентских Ширваншахов: Шейх Ибрагим, Султан-Халил, Фаррух Яссар. “Их век, – пишет Шумовский, – поворотный и в европейской истории, был последним веком самостоятельного Ширвана: уже в 1538 году этот край попал под владычество персов, длившееся почти три столетия”.

“Я в Ленкоранских привольных степях рожден – поэтому я Аррани, – говорит о себе поэт. Уже в детстве у него появился талант поэта, утонченная лирика. Мальчиком он пришел в Шамаху и сразу же был введен под покров дворца для

улаждения ушей ширваншаха.

Прекрасная девушка Илен подарила ему свою любовь, и его стихи заиграли теплыми красками. Но умирает совсем юной Илен, и с этого дня блистательного царедворца начинает сжигать мрачный пламень. Аррани задумывается о смысле жизни, неотвратимости смерти, назначении поэта, истоках царящей всюду несправедливости. Язвительный ум и едкие эпиграммы не обошли и персону шаха. Вне себя от ярости он велит сжечь перед связанным Аррани все написанное поэтом, а затем бросить его в темницу.

За полтора года, с конца 1936 по 1938-й Шумовскому удалось перевести большую часть дивана ширванского поэта. Сам Аррани назвал сборник стихов “Лепестки золотой розы”, сюда же вошел и цикл тюремных стихов – “Узницы”.

То, что Диван Аррани сохранился в сравнительно свежей рукописи, Шумовский объясняет тем, что текст был перенесен с ветхого списка, или, быть может, его переписал кто-то, кто пожелал иметь собственный экземпляр. “А как этот экземпляр оказался в нише усыпальницы? Был покойный связан происхождением с автором “лепестков”? Или Аррани был его любимым поэтом? А может, какой-то почитатель покойного принес к его последнему ложу лучшее, что имел?... Или набожный комментатор Корана осудил поэта за предпочтение муз богословским наукам, но поднялась у него рука сразу уничтожить прекрасное, и он зашвырнул стихи на дно ниши? Кто теперь мог ответить на это...”

Шумовскому не довелось довести исследование до конца: в 1938-1946 годы он был узником ГУЛАГа. И тут начинается самое печальное. Диван Аррани и листки перевода вместе с остальными книгами и конспектами, оставшимися в шкафу под ключом во время его многолетнего отсутствия, бесследно исчезли; должно быть, и сам сборник, и плоды работы над ним разделили участь арабо-русского словаря Гиргаса из его библиотеки, сожженного в печи в годы ленинградской блокады.

“Отчаяние не созидает. Кто хочет достигнуть своей цели, не должен позволять бесполезным чувствам торжествовать над разумом. Я решил восстановить “Лепестки” своей памятью, – вспоминал ученый. – Лучше всего я запоминаю, когда запишу, после этого мне уже не надо смотреть в записанное, чтобы его восстановить. Это и помогло восстановить переводы Аррани. Много пришлось возрождать по единичным фразам, а то и по отдельным словам; помогли, конечно, размер и рифма...”

Восстановленное удовлетворило Шумовс-

кого не полностью. То, что увлеченному юноше казалось верхом совершенства, человек, перешагнувший рубеж третьего десятилетия жизни, – в ряде случаев нашел слабым. Наступил следующий этап: он очистил каждую строку от сомнительных переводов, постепенно отбирая в сокровищнице русского языка подлинные самоцветы.

“Наконец, – говорит Шумовский, – я дожид до того дня, когда творения древнего ширванского поэта выходят ко всем ценителям и знатокам прекрасного, живущим в сегодняшнем мире. Я мечтал об этом дне тридцать пять лет”.

Так Теодор Шумовский открыл для нас удивительного поэта Атааллаха Аррани.

А что касается солидной энциклопедии “Сорок пять поколений философов”, то неудивительно, что есть в ней имя и нашего соотечественника: ведь поэт на Востоке – всегда философ.

За полтора года между двумя арестами Шумовский написал кандидатскую диссертацию.

В своих трудах ученый восстановил историческую роль арабов как великой морской нации средневековья. Созданная им “Арабская морская энциклопедия” продемонстрировала развитую арабскую морскую культуру, которая стояла у колыбели европейской навигации и была уничтожена европейскими завоевателями Востока в XVI веке.

Теодор Шумовский – автор научно-популярных книг “По следам Синдбада-морехода. Океанская Аравия” (1986) и “Последний лев арабских морей” (1999). Он также сформулировал свои взгляды на лингвистический процесс в “Ороксологии” (2002). Последние годы жизни ученый работал над антологией своих стихотворных переводов с арабского, персидского и других восточных и западных языков.

Его влекла прекрасная, как музыка, таинственная, как вечность, мусульманская письменность. Объясняя, почему он взялся за перевод Корана и к тому же в стихах, Т.Шумовский пишет: “Это самая великая книга на арабском языке. Все переводы Корана на русский язык несовершенны, включая наиболее известный – академика И.Ю. Крачковского. Еще в XVIII веке был известен перевод М.Веревкина, придворного чтеца Екатерины II. Он его делал не с арабского подлинника, а с французского перевода дю Рие, и им, кстати, пользовался Пушкин, когда сочинял свои “Подражания Корану”.

Крачковский вел у нас спецкурс по Корану и считал: “Чтобы подготовить перевод к печати, мне нужно освободиться от других забот года на

полтора...” Но у главы советской арабистики времени не нашлось, и его вдова опубликовала перевод, не сверенный с подлинником. Жаль, что у Крачковского перевод не стихотворный, а буквальный”, – рассказывал Т.Шумовский на встрече со студентами.

За перевод Корана он взялся в 80 лет. Лежа на больничной койке, он размышлял: “О чем может мечтать человек в 80 лет? Я должен перевести Коран. Сейчас я только созрел для этого. Я отдавал себе отчет в том, что это – великая мусульманская святыня. Слово о новой религии должно было легко войти в сердца верующих”. И это ему удалось.

На его 95-летию многих поразило то, что на приветствие азербайджанского консула он отвечал по-азербайджански, польского – по-польски...

“В своих работах пользуюсь 22 языками. И неволя в этом отношении мне помогла, – вспоминал ученый. – В лагерях встречались представители разных национальностей. В доме предварительного заключения в Ленинграде мне встретился преподаватель ЛГУ, знавший испанский язык. Запоминал слова с его губ. Финскому языку меня обучал нарком Карело-Финской ССР. Он был моим напарником – вместе валили лес в Котласе. По-грузински я начал разговаривать с местоблюстителем Патриарха всея Грузии, тоже в лагерях. А в “Крестах” я встретил китайца. Пожалуй, самый сложный – китайский язык”.

Себя он считал не верующим, а знающим. “Всю жизнь я интересовался тем, что можно проверить в опыте. Мне не надо верить в Бога – я просто знаю, что Он есть. Он един для всего, что создано Им... По церквам не хожу, Богу не нужны церкви. Богу нужно, чтобы те существа, которые Он создал, были способны помочь друг другу. Чтобы не лгали, не грабили, не убивали, не воевали, жили честно и трудолюбиво. Вот для чего Он нас создал! Наилучшее служение Богу – честность и трудолюбие”.

Это и было жизненным кредо выдающегося ученого, нашего земляка Теодора Адамовича Шумовского. Он умер в Петербурге 28 февраля 2012 года на 100-м году жизни и похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища, рядом со своим учителем, академиком И.Ю.Крачковским.

На его надгробии арабской вязью написано: “Ученый без плодов деятельности, как облако без дождя”.